

ПАЛЬМОВАЯ ВЕТВЬ С АФОНА

Акула в Средиземном море

Кто такой паломник, и чем паломническая поездка отличается от путешествия? Тем же, чем хорошее вино от плохого. Первое *веселит сердце человека* (Пс.103:15), второе дурманит его.

Лермонтов, словно в запой, отправляет своего Печорина в длительное путешествие, тогда как покаянное паломничество могло бы оживить его умерщвлённую страстями душу.

Путешественник самоценен, как кожаный чемодан, и мир вокруг него только для того и существует, чтобы он мог в нём путешествовать. Паломник же, отправляясь по святым местам, чувствует себя абитуриентом: а вдруг не примут? Да и как можно не обнажить и не склонить головы, приближаясь к святыне?

В русском языке слово «паломник» связано с обычаем приносить из Святой земли пальмовую ветвь. (*) В Евангелии об этом обычае сказано так: *На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!* (Ин.12:13,14). Таким образом, вернувшийся из паломничества человек, неся в руке пальмовую ветвь, гласно и безгласно возвещал осанну грядущему Господу Иисусу.

По «народной», т.е. кто во что горазд, этимологии: паломник это – «пальм ломник». Греческое же *προσκυνητής* (паломник) в буквальном переводе означает «поклонник». Паломник – поклонник. Но в каком фотоальбоме вы видели кланяющегося путешественника? Он всегда стоит довольный рядом, словно эта египетская пирамида или эта падающая башня не упали до сих пор только в ожидании совместного с ним фото.

(*) «Паломник или Пальмоносец было в средних веках название Путешественника ко Святым Местам Палестинским для поклонения или для участия в Крестовых вооруженных походах. У прочих Европейских народов таковой Путешественник тогда назывался *Palmarius Palmatus*. Иог.Христ.Аделунг в своём Учебном Словаре для чтения средне- и поздне-латинских писателей (1772-1784), толкуя сие название, говорит, что Путешественники таковые, по изъяснению Дуранда, назывались так потому, что возвращались оттуда с Пальмовою ветвию в руках в знак того, что они воевали за Царя Иисуса Христа, встреченного там же с пальмовыми ветвями, или ваиями. От сего и Гостиницы, для таковых Путешественников по дорогам устроенные, назывались *Palmaria*». Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995, с.74).

На Афоне тоже встречаются путешественники, но паломников пока что больше. В отличие от всякого другого места на Афоне не встретишь путешественника с кинокамерой по очень простой причине: с кинокамерой туда не пустят. Как не пустят туда никого с женщиной.

Вопрос о женском присутствии на Афоне был решён более 1500 лет назад Той единственной из рода человеческого Женой, которая, родив Бога, осталась Девой.

В начале V века дочь греческого императора Феодосия, возвращаясь из Рима в Византию, решила увидеть Святую Гору и Ватопедский монастырь, выстроенный иждивением её отца. На Ватопедской пристани она была торжественно встречена и введена с подобающим церемониалом в монастырь. Но когда она захотела войти в главный его храм, то её поразил голос, исходивший от иконы, написанной в стенной нише: «Зачем ты сюда? Здесь иноки, а ты женщина, для чего ты даёшь врагу случай ратовать их преступными помыслами? Ни шагу далее! Удались, если хочешь себе добра!» Поражённая страхом царица молча удалилась из обители, и наложенный на неё запрет стал запретом для всех других представительниц этой половины человеческого рода бывать на Афоне и смущать монахов, потому как не нужно вовсе им, отрѣкшимся от мира, видеть самое притягательное порождение его.

И если этот рассказ о византийской царице для путешественника миф, то для паломника это факт, а для греческой полиции это закон, охранять который она и поставлена.

С тех пор женская нога не ступала на полуострове, разве только в тех исключительных случаях, когда военные нападения заставляли греческие семьи искать убежища в непроходимых афонских горах, где и сейчас ищут своего спасения монахи. Но в таких случаях монахи легко понимают женщин. Тем и другим приходится спасаться: одним от житейской суеты, другим от вражеских воинов. Да вот женщины нелегко понимают монахов. Особо непонятливые из них носят название феминисток.

Согласно недавнему афонскому преданию одна такая феминистка дерзнула проникнуть на Святую гору. Не важно, сколько и какому жадному до денег лодочнику она заплатила за перевоз: по Божьему промыслу он для того и был ею нанят, чтобы рассказать потом, как после непотребных фотографических снимков на фоне отдалённых монастырей феминистка полезла купаться в море, где её и съела поджидавшая акула. Откуда взялась акула в Эгейском море? И что плохого сделала эта несчастная женщина? Раздумья над этими вопросами оставим кому-либо из передовых журналистов, а ретрограду, вроде меня, совершенно ясно, что если бы она ничего плохого не сделала, то неоткуда бы было взяться и акуле, чтобы её съесть.

Помимо запрета земного и уголовного суда за нарушение его, есть запрет и суд Божий, о котором уже упоминавшийся поэт Лермонтов сказал: «Он ждёт, он не подкупен звону злата». Но да будет вечною память этой феминистки, чтобы другим неповадно было.

Заслуженные мытарства

Таможенный контроль в аэропорту Фессалоник доверителен и прост в сравнении с тем, что пришлось испытать вылетающим из Внуково.

Всякая власть от Бога. Подтверждение этим апостольским словам неожиданно обнаружилось на заголовке греческой визы, вклеенной в заграничный паспорт: ΘΕΩΡΗΣΗ. Даже не знающему греческого языка, но бывающему регулярно на церковной службе, нельзя было не угадать в этой надписи греческого слова ΘΕΟΣ – Бог.

Происхождение слова Бог в русском языке связывают со словом «богатый» («у Бога всего много»), а в греческом языке в числе прочих его корней, предполагают и это – θεωρέω («наблюдаю, созерцаю»). Бог – всевидец, говорит святой Иоанн Дамаскин, и, стало быть, кому, как не всевидящему Богу, распоряжаться выдачей виз?

Более строгие и требовательные пограничники поставлены Богом при выезде с русской территории не без причин. В книжке проповедей священника Валериана Кречетова написано: «Было время, когда наша Россия была вся православная. И по законам тех времён за

богохульство, за оскорбление святыни, за поругание икон или храма – минимум 10-12 лет каторги или даже пожизненная каторга полагалась. И вот, когда начали ломать храмы, иконы сжигать, то ничего удивительного, что после этого чуть ли не 80% населения сидели в тюрьме! Так и нужно было, потому что все были в разной степени причастны».

Вот и до сей поры для внуков тех 80% сидевших и 20% охранявших, выезд из страны по тщательности досмотра напоминает собой выход из тюрьмы, как, впрочем, и въезд в неё.

Правда, с оформлением пропуска на Афон пришлось поволноваться. Пословица «язык до Киева доведёт» за границей приобретает существенное дополнение: английский язык до Киева доведёт. Волнений бы этих не было, если бы учил как следует английский, и если бы не расслабился вчера сперва в нежных морских волнах, а затем в таверне (так у греков называется ресторан) с шашлыком, пивом и салатами, уже не понимая, кто ты: паломник или курортник, и зачем ты сюда приехал? Но вчера было заговенье на Петров пост, и впервые в жизни на Эгейском море... Оставь эти жалкие оправдания и благодари Божию Матерь, что ты на корабле, и вот уже оставшимся на берегу женским фигурам седой, а всё туда же, швартовщик ириво машет рукой: «Arrivederci».

До свидания, Уранополь, курортный городок с цветной открытки с разноязычной пляжной публикой. Спасибо тебе за гостеприимные ужин и ночлег, за тихий розовый закат с качающимися на волнах белыми лодочками, спасибо тебе и за отсутствие этой дурацкой музыки, которая на родном черноморском побережье заглушает всё: и дыхание ветра, и плеск прибоя, и человеческий разговор, и стук собственного сердца, заставляя всё вокруг скакать в козлином похотливом ритме.

Страна святых чудес

Не проходит и получаса, как с борта корабля, идущего вдоль третьего, выросшего из ладони полуострова Халкидики, пальца, открывается вид на эту волшебную страну с названьем дорогим Афон.

Если бы кто по примеру В.И.Даля составил «Словарь живого православного языка», то слово «волшебный» в нём носило бы пометку «бес.», что значит бесовское. Православие учит здравомыслию, а волшебство это обман, который и принадлежит бесу. Бес – реальность, и волшебство – реальность, но реальность лживая. Православие учит отличать множество лживых, переменчивых, мимотекущих реальностей от единственно правдивой реальности, которая вечна.

В далёкой нашей юности, в повальном увлечении песенками Beatles, увлечении, о котором теперь не знаешь, то ли с улыбкой вспоминать, то ли со слезами каяться, потому как милые те цветочки произросли ядовитыми ягодками, кто не слышал Magical mystery tour? Тогда сочетание этих трёх слов в названии пластинки вызывало во мне легкое волнение: волшебное таинственное путешествие.

Афон, конечно же, не волшебен, но столько о нём слышать, столько о нём читать, столько мечтать, и вдруг увидеть, а увидеть ещё более прекрасным, чем о нём написано и рассказано – этого впечатления не передать даже словом «волшебный». И ощущение невероятности, ощущение, что всего этого не может быть, не покидало мою удивленную душу во всё время афонского бытия.

Корабль, перенесший нас в эту чудесную страну, назывался Αξιον εστι (Достойно есть) по имени чудотворной иконы Божией Матери, которая хранится в столичном городке Афона –

Карее. Достоинно есть – это первые слова молитвы, обращённой к Богородице, и достойна особого рассказа история её написания.

Оставленный в келии старцем, ушедшим в Карею в храм ко всенощному бдению, молодой послушник услышал ночью стук в дверь. Стучался неизвестный инок, и послушник впустил его. Когда они вместе встали на молитву, то во время пения слов *Честнейшую Херувим...* гость заметил, что у них эту песнь поют иначе: добавляют перед *Честнейшую* слова: *Достоинно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего*. Пока длилось песнопение, келейная икона Богоматери «Милующая» сияла небесным светом, а послушник в умилении плакал. Он попросил гостя записать эту дивную песнь, и, так как в келье не было бумаги, пришелец написал слова на камне, размягчившемся подобно воску под его рукой. Назвав себя Гавриилом, странник стал невидим, а икона ещё некоторое время излучала чудесный свет.

Всё это случилось в 10-м веке в келии, которая с тех пор называется, как и икона *Достоинно есть*. Самый же образ был перенесён в Протатский Свято-Успенский соборный храм Карееи в алтарь на горнее место.

В церковно-славянском переводе не видно, насколько искусно были соединены обе части этой молитвы. Петая послушником половина: *Τήν τιμιωτέραν τών χερουβεϊμ...* (Честнейшую Херувим...) была так надставлена архангелом Гавриилом: *... καί μητέρα τοῦ Θεοῦ ἡμῶν (... и Матерь Бога нашего)*, что на стыке оказались совершенно созвучные слова: *μητέρα* (матерь) и *τιμιωτέραν* (честнейшую), и этими звуками «ми-те-ра-ми-те-ра», словно умелыми стежками, были связаны обе части, небесная и земная, чтобы стать единой молитвой.

То ещё интересно заметить, что на земле пели о небесном состоянии Божией Матери (Честнейшую Херувим...), а на небе – о земном (... Матерь Бога нашего). Видимо, самые вдохновенные песни всегда слагаются о неведомом.

Не пришла Богородица к Иверии, так Иверия пришла к Ней

Назвать корабль именем Богородичной иконы – это совершенно в греческом мировоззрении. Названия лодочек, стоявших в Уранопольской бухте начинаются со слова «святой»: святой Георгий, святой Николай, святой Димитрий... Для греков это обычное дело, и других корабельных имён они не представляют, но мне, помнящему крепкую руку советского воспитательного процесса, такая простота в обращении со святыми показалась даже кощунством.

Может, в одной из этих лодок и была доставлена на Афон та злосчастная феминистка, да и на самом «Аксион эсти» отнюдь не приличествующее названию корабля собрание галдящих, курящих, непрерывно звонящих по мобильным телефонам людей. Однако, о чём это я? Если Матерь Божия терпит и принимает даже тебя, жителя той страны, где корабли всё ещё носят имена кремлёвских богов, дела которых были много страшнее и отвратительнее дел богов олимпийских, то как Она не примет людей, чьи предки были отмечены особым вниманием Её Сына, засвидетельствованном в Евангелии?

Когда в последнюю Пасху Его земной жизни, по въезде в Иерусалим на молодом осле, к Господу подошли апостолы Андрей и Филипп и сказали, что есть некоторые эллины, которые хотели бы Его видеть, то Господь, словно только и ждал этого известия, воскликнул: *пришёл час прославиться Сыну Человеческому* (Ин.12:23). И в прославлении Иисуса Христа по всему миру словом и делом эллины не обманули Его ожиданий.

По жребью, к которому прибегли апостолы, чтобы узнать, кому в какую страну идти с проповедью о Воскресшем Христе, Пресвятой Богородице досталась Иверия. Но не без причин, весомость которых всё более и более открывается в ходе человеческой истории, вместо Иверии таким Её уделом на земле стал Афон. Корабль, на котором Она вместе с апостолом Иоанном Богословом держала путь на Кипр к тому самому Лазарю, который был воскрешён Иисусом Христом в 4-ый день по смерти, из-за сильного штормового ветра прибило к берегу много дальше Иверии и Кипра – к Афону.

Здесь надо сказать, что это весьма приметное в Греции место. Если высота знаменитого Олимпа – 2917 метров, то Афон возвышается над морем на 2033 метров. До Рождества Христова к Афону стекалось множество паломников, чтобы совершить языческие торжества перед золотым кумиром Аполлона, главный храм которого стоял на самой вершине горы, которую в то время называли Аполлониада. К её подножию и был принесён ветром корабль Богородицы.

То, что повествуется дальше в церковном предании о Её встрече, значительно расходится со свидетельствами книги Деяний о первых шагах по Балканскому полуострову апостола Павла, который за проповедь Евангелия в Филиппах был бит, в Солуни едва избежал темницы, а в Афинах осмеян. Но устный рассказ тем и отличается от письменного, что в немногих словах выражает существо события. И говоря о встрече Божией Матери на Афоне, предание триста первых, самых мучительных для христианства лет, увенчавшихся полным его торжеством во всей Римской империи, сжало до следующего эпизода. «Как только приблизилась к берегу Пресвятая Богородица, все идолы завопили: “Мужи Аполлонские! Ступайте в Климентову пристань и примите Марию, Матерь Великого Бога Иисуса”. Бесы, бывшие в идолах, против воли принуждены были силою Божией возвестить истину. Народ изумился, и все поспешили на берег моря к пристани. Увидев корабль и Божию Матерь, они приняли Её с почтением. Богородица возвестила народу об Иисусе Христе, и все пали и поклонились Богу, от Неё рождённому, потом, уверовав, крестились».

То ещё важно учесть при рассмотрении разницы этого предания и книги Апостольских Деяний, что на Афоне не было синагог.

Словно в подтверждение неотвратимости Божьего суда, указанного *ужем жребодаяния* (Пс.77:55), недалеко от места высадки Богородицы с течением времени возник и устроился монастырь, названный Иверским в честь знатных иверцев, основателей его. Поскольку суждено было Богородице проповедовать в Иверии, но не суждено было придти к ней, то Иверия пришла к Богородице.

Это совпадение в очередной раз убеждает в том, что нет в мире никаких совпадений, но что настойчиво и неотвратимо совершается над ним великое дело, невидимый труд, имеющий совершенно точную и определённую цель, к которой ведут и ведутся все земные пути и судьбы, совпадения и несовпадения, все законы и все случайности.

В Иверском монастыре находится одна из наиболее чтимых афонских святынь – знаменитая икона Божией Матери Иверская, называемая ещё Вратарницей. История её такова.

Афонское начало российских дорог

В эпоху очередного брожения умов, когда до разрушения храмов и убийства священнослужителей ещё не додумались, но додумались до уничтожения икон, в малоазийском городке Никее, в доме некой благочестивой вдовы, перед иконой Богоматери

встали, ругаясь и требуя её выдачи, несколько разгорячённых голов. Обещанием денег вдова склонила их оставить у себя святыню до утра, но один из них, уходя, всё же ударил образ ножом в щёку. А ночью с долгими молитвами и слезами вдовица пустила икону в море.

Спустя два столетия иноки Иверского монастыря увидели далеко в море огненный столп. Не понимая, что значит это видение, они в страхе творили молитву. Усмотрев, наконец, что столп возвышается над иконою Богоматери, они стали молить Бога о даровании им этой чудесно явившейся иконы. И когда одному из них, старцу Гавриилу, родом иверцу, было в сонном явлении Богородицы повелено принять икону для обители, то он с благословения настоятеля и при молебном пении братии небоязненно прошёл по водам к святыне и, взяв её, вернулся на берег.

История эта, сколь удивительная, столь и поучительная, длится по сей день. Один, не понимая, зачем иконе кланяться и молиться, бьёт её ножом. Другой, не понимая, зачем икона светится, встаёт на море. Первый разрешает своё непонимание бунтом, второй – верой и чудом. А в жизненном итоге? Память первого погибла с шумом, имя второго прославлено и вознесено. Потому как два только пути есть на белом свете: первый к Богу, второй от Него, а третьего не дано. Смертельно опасно этого не понимать.

При царе Алексее Михайловиче в 1648 году список, или копия Иверской иконы Богоматери была торжественно принесена в Москву и поставлена в часовне у Воскресенских ворот Красной площади с тем, чтобы всякий проходящий мог просить Вратарницу Афонскую быть Вратарницею града Москвы. Но когда число таких просьб резко сократилось, а часовня стала мешать проходу трудовой и боевой рати на площадь, её снесли, а икону в 1931 году передали в храм Воскресения в Сокольниках.

В 1995 году часовню и ворота восстановили, торжественно доставили в неё новый список Иверской, а со списком принесли с Афона и благословение Божией Матери не только Москве, но и всей земле российской. Потому что прямо против часовни красиво выложили в брусчатке оригинальный знак – «нулевой пункт», с которого начинается теперь отчет дорожных километров. Всесоюзные дороги считались от крыльца главпочтамта, российские считаются от паперти Иверской. И теперь, по всякой русской дороге едучи, можно на законном основании обращаться к Вратарнице Афонской с просьбой быть Вратарницей своих души и тела.

Ещё одно очень важное предание связано с этой иконой, которое по-особому освещает вышеизложенную историю её пребывания у Воскресенских ворот Красной площади нашей страны.

Когда старцем Гавриилом икона была столь чудесным образом извлечена из моря, иноки отвели ей место в алтаре соборного храма, но уже на следующий день её там не оказалось. Её нашли над монастырскими воротами и вторично перенесли в алтарь, но она вновь явилась над воротами. Так повторялось несколько раз. Наконец, Божия Мать явилась во сне старцу Гавриилу и сказала: «Объяви братии, что Я не желаю быть хранима вами, но Сама хочу быть вашей Хранительницею не только в настоящей жизни, но и в будущей. И вот вам знамение: доколе икона Моя будет в обители, дотоле благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеет».

Возвещенное устами старца Гавриила пророчество об Иверской иконе исполнилось на Московском её списке. Почти три столетия стояла икона в часовне перед Красной площадью, и Божья милость не отступала от россиян. Изгнание иконы означало изгнание милости. Потому что святая икона – чьими бы руками она не носилась: ангельскими или человеческими, и как бы не изготовлялась: иконописцем или на типографском станке – это видимый знак

невидимого Божьего присутствия. Сие несложно понять, если понимаешь, что весь окружающий мир есть зримое проявление незримого Бога. Всякая религия учит данной истине своих последователей, а иконопочитание – самый короткий и верный путь к ней. За что же идущие к Богу с левой стороны упрекают православных в идолопоклонстве?

Бог невидим, непостижим, неизобразим – кто с этим спорит? Но мир носит на себе отпечаток Его творческой руки, и человек как высшее создание Бога есть первая и главная икона Его. Правда, такая же неубедительная и худая, как сама икона с изображением человека – жалкое подобие оригинала.

Существуют две крайности, между которыми приходится балансировать при рассуждении о месте иконы в духовно-нравственном совершенствовании человека. Первая – обоготворение иконы, и, следовательно, самого человека как иконы Бога – это идолопоклонство, вторая – небрежение иконы, и, следовательно, человека как образа Божьего – это богохульство. С одной стороны, нескромно и опасно рассматривать в человеке Бога: можно засмотреться и лоб разбить. А с другой, нельзя не видеть, что всякий человек создан по образу Создавшего его. С одной стороны – нескромно смотреть, с другой – нельзя не видеть. И как же быть? С воплощением Сына Божьего, когда Бог стал человеком, противоречие разрешилось. Невозможное человеку – удержать равновесие посередине этих пропастей – стало возможно Богу.

Поклониться Иверской иконе Божией Матери в Ивироне (Μονή Ιβηρων – так пишется название монастыря по-гречески, что в буквальном переводе означает монастырь иверцев, хотя последний монах из грузин умер в нём в 1955 году) мы сподобились на следующий день по прибытию, когда знакомились с восточной стороной Афона. А пока в центре западного его побережья мы делаем первые робкие шаги.

Не более сотни человек принимает Афон с единственным на дню корабельным рейсом. Около десятка вышло нас на пристани Свято-Пантелеимонова монастыря.

Вода, водка и лукум

Русский монастырь на Афоне – это маленький слепок государства российского на греческой земле. Множеством куполов, зданий и построек широко раскинулся он по берегу моря и вполз в гору. Большая часть из них разрушена. Встреченные монахом О., едва успели мы дойти до архондарика, как разразился сильный дождь.

Архондарик – это монастырская гостиница, где странника первым делом потчуют неизменным в веках угощением из воды, лукума и узы, или анисовой водки, а затем устраивают на ночь. Всё, как в тех писанных в прошлые и позапрошлые века книгах: глоток анисовки, пересыпанные сахарной пудрой железные кубики виноградного сока и стакан холодной воды.

- Откуда берёте воду?

Архондаричный послушник С., обладатель роскошного баритона, как потом выяснилось на службе, выставляя на столе закуски, машет рукой вверх. Из горных родников по пластмассовым шлангам, которые, бродя по Афону, можно увидеть в самых разных местах, вода течёт в монастырские трапезные и огороды, и по вкусу её можно судить о вкусе первозданной земной воды. Особенно хороша она холодная, когда в запотевших железных кувшинах выставляется на обеденных столах, и порция фасоли, уже начинающая во чреве медленное горение усиленно требует влаги, тогда несколько крупных глотков из

металлической кружки кажутся во рту слаще мёда и всякого другого напитка, стекая по желобам гортани к месту пожара.

Во времена императрицы Екатерины в её придворном кругу был в обычае шуточный штраф – стакан воды, выпитый без варенья. Несчастные царедворцы, они не знали вкуса живой афонской воды, как не знает его и новое поколение несчастных, пьющих химию «Кока-Кол» и «Фант» да за такие деньги.

После размещения и устройства по своим гостиним кельям мы должны были вновь встретиться с нашим гидом, монахом О., но из-за дождя знакомство с монастырём, его святынями и историей, пришлось отложить до завтра.

Однако как не силен был дождь, через час после него всё вокруг высохло. Средняя температура июльских суток на Афоне – 26 градусов, и, естественно, плодоносит там только то, что поливается. Тщетны были мои попытки отыскать в афонских зарослях, которые трудно назвать лесом, как не назовёшь лесом заросшие осинником места таёжных рубок, куст с ягодой или дерево с плодом, которые пока ещё дарят нам запросто наши леса. Разве только тутовые деревья, или шелковица, росшие самостоятельно у стен многих монастырей, а так непроходимая, бьющаяся за жизнь, хищная и сухая растительность колючками и шипами встречала рискнувшего ступить с дороги в сторону. Но, говорят, шумели некогда на Афоне каштаны и дубы.

По моему скудному разумению, северная природа произращает человеку лесные дары из грибов, ягод и прочего в утешение, или, как говорят, лица официальные, в качестве компенсации за долгую студёную зиму, которой не имеется у природы южной, но от которой зато не дождёшься плодов без полива и труда.

Когда восторги от увиденного, а их вызывает всё: и архондарик с мостиками и террасами, и монастырские корпуса, нависающие один над другим, и святые врата с пальмами и мраморными колоннами, и самый воздух, которым дышит в твоё лицо Афон, – когда восторги улягутся, тогда естественно возникает вопрос: а зачем? Как и зачем эти люди, такие разные, всех родов и возрастов, пришли сюда?

По нынешним временам если и вызываем мы друг у друга взаимный интерес, то не сами по себе, но своими социальными оболочками. И нынешняя культура старательно приучает нас видеть человека не как такового, но как общественное место, которое он занимает.

Кто этот постоянно мелькающий на экране телевизора человек, чем он живёт и дышит? Что за человек автор этой книги, что он из себя представляет? Это всё неважно. Важно, что первый занимает такой-то пост, а у второго фамилия такая-то. И никого уже не интересуют их личные качества, потому что главной характеристикой стал имидж. Никто не скажет о себе: я, как и все люди, имею многие недостатки и живу так-то. Кому это интересно? Зато каждый охотно объявит: меня показывали по телевизору, и знаком я с тем-то.

Всё это очередной обман, который просто и неизбежно открывается в последний час, когда отверстая могила принимает на сохранение до Дня всеобщего воскресения не оболочку, не общественный статус и не громкое имя, но тело, на котором не написано, какую должность занимало, зато на веки вечные на каждом его атоме теперь проставлено клеймо: по Божией воле или по своей прожитой жизни.

Записка вместо замка

В стороне от монастыря, невидное за кипарисами стоит небольшое двухэтажное здание. В верхнем его этаже расположен храм апостолов Петра и Павла, а внизу дверь, которая не запирается, и только записка, призывающая хранить покой усопших братьев, вместо замка.

Это монастырская костница, или усыпальница. Посредине аналой с раскрытой Псалтирью, несколько стасидий у стены, сбоку окошко и от пола до потолка стеллажи. На них рядами уложены на чей-то просвещённый взгляд бранные останки, на чей-то невежественный – страшные черепа, а на взгляд человека верующего – самое драгоценное сокровище, которое есть на земле.

Приводимые ниже слова принадлежат старцу Тихону Пелиху (†1983). Их смысл выходит из границ понимания в таинственную область веры, но это обстоятельство только укрепляет их несомненную правду и красоту. «Можно сказать, что сокрытый в могиле прах дороже всех сокровищ! Что значат золото, серебро, блестящие камни? Всё это – бездушная земля. А прах, лежащий в могиле, – чудный, таинственный, священный! Для этого праха – мир сотворён, для этого праха Сын Божий страдал, умер и воскрес! Для этого праха приготовлен рай Небесный, устроено Царствие Божие! Этот прах был живым существом, носил в себе образ Божий, прославлял Бога и поклонялся Ему. Этот прах был омыт крестильной водою, запечатлен печатью мира Духа Святаго, напитан был Божественным Телом и напоен Животворящей Кровью. Этот прах в самой смерти – бессмертен, потому что он таинственно соединён с Богом».

Сокровища монастырской усыпальницы лежат строгими рядами, словно головы бойцов, выстроенных по-взводно, в ожидании парада на дне победы жизни над смертью – Дне всеобщего воскресения. На каждом черепе – крест, имя и дата смерти, как дата рождения в вечность. А при входе слева от двери стоит что-то вроде кушетки с перильцами по бокам. После двух щелчков шпингалетами боковая загородка легко откидывается. Это афонский гроб, в котором усопший покоится и провожается в последний путь до могилы. Хоронят, обернув в мантию, глубоко не закапывают, потому что через три года надо могилу открывать для ответа на главный вопрос этой жизни, то есть на вопрос о загробной участи усопшего: приняла ли земля тело, а Бог душу или нужны усиленные о ней молитвы?

Извлекать из земли погребенные останки – древний обычай всего Востока, принявший в христианскую эпоху особое значение. Тело мученика за веру во Христа, даже если оно не прославлено от Бога силою чудотворения и нетления, хотя примеров совершавшихся у мощей чудес множество, служит неопровержимым доказательством этой веры. И до сей поры многие греческие семьи с любовью и честью хранят останки своих родных прямо в жилищах. А в православных храмах святые мощи необходимо полагаются внутри престолов, почивают также и в особо устроенных раках для поклонения верующих.

Чуть выше храма-усыпальницы на отнятой у горы террасе лежит небольшое монастырское кладбище. Около десятка крестов на нём. Возле подножий теплятся лампадки, которые по ночам мерцают, словно светляки. Последний крест поставлен в этом месяце, а первый в годах 50-х, когда прекратился, то ли за недостатком уходящих на строительство сил, то ли по ещё каким-то причинам, обычай справляться о могильном сне усопших братьев.

Впрочем, не по костям только: белого, желтого или чёрного они цвета, но уже по лицу лежащего во гробе можно многое заключить. Некоторые из них от того посинели и скошены, что страсти, скрывавшиеся во глубинах души при жизни, теперь ничем не сдерживаемые, явились наружу и уселись победителями на теле, как на поверженном враге. Тогда как на

другого, тихо и светло лежащего во гробе, приятно смотреть, как на уснувшего после выполненного жизненного урока труженика, вполне удовлетворённого своей работой.

Как приходят люди в монастырь? У каждого свои обстоятельства, но цель и смысл монашеского жития лежат на этом кладбище, среди этих белых косточек и черепов, где отдавшие свои жизни Иисусу Христу с несомненною верою в Его Божество теперь спокойно ожидают Архангелова гласа, когда под новым небом на новой земле начнётся новая жизнь по правде Божией в вечные веки.

Обо всём этом вели мы неспешный разговор с послушником А., в то время, как доливал он масло в кладбищенские лампы, счищал нагар с фитилей и откидывал боковину афонского гроба-кушетки. Прервал нашу беседу колокольный звон к вечернему богослужению.

Жизнь посолонь

Время на Афоне исчисляется по солнцу и называется византийским. С последним солнечным лучом, как с последним сигналом, наступает полночь, 00 часов, с которых начинается отсчёт нового дня. В таком счёте времени нет нашей, отмериваемой по механическим часам условности в смене суток. Византийское время натурально, оно идёт не по стрелкам, оно идёт по солнцу. Зашло солнце, значит, кончился день – ложись спать или становись на молитву, встаёт оно – поднимайся и ты и воздевай руки в молитвенном восклицании: Слава Тебе, показавшему нам свет!

Этот возглас, полагающий начало великому славословию, в афонских храмах раздаётся в самый рассвет. В это время в распахнутые окна Свято-Пантелеимонова храма уже льётся вместе с долгожданной прохладой тонкий свет нового дня. А в российских церквях, где служба утрени из практических соображений совершается вечером, этот возглас священника посреди спящих электричеством люстр хранит память, впрочем, может восприниматься и как призыв к той жизни по солнцу, которой жила некогда целая империя, и которой ещё стараются жить на Афоне.

Двое часов висят в архондарике. Одни, сверяемые с солнцем раз в неделю, показывают время давно ушедших веков, другие – современное греческое, отстающее от московского на 1 час. Сейчас разница между ними составляет около трёх часов, зимой она будет доходить до 5-6.

Понять арифметику взаимоотношений греческого и византийского времён с непривычки сложно, поэтому во многих афонских монастырях из пощады к паломнику говорят о начале служб, обеда и прочего по греческому времени, опуская византийское, иначе пришлось бы гостю крутить стрелки своих часов в разных монастырях в разные стороны. Дело в том, что в каждом афонском монастыре наряду со своим уставом действует и своё время. При жизни посолонь это неизбежно, потому что, если на восточном берегу Афона солнце встаёт раньше, то как можно уравнивать его время с временем западного побережья? Как можно праздновать Христову Пасху не по красной заре, а по сигналам точного времени? А то, что в миру называется новым годом, это лучше назвать новым строем, в который весь народ в едином порыве становится под звон курантов с экранов телевизоров. Причём, нынешний их бой раздаётся намного раньше прежнего российского боя. Этот факт доносит до нас драматургия А.П.Чехова.

В его пьесах, где работает всякая сценическая деталь и висящее на стене ружьё непременно стреляет, есть такие о времени замечания. В самом начале «Вишнёвого сада»

Лопухин спрашивает: “Который час?” “Скоро два, - отвечает Дуняша, - уже светло”, и тушит свечу. “Рассвет, скоро взойдёт солнце. Уже май, цветут вишнёвые деревья”, - делает ремарку автор.

В другой пьесе «Чайка» Трелев говорит: “Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдёт луна”.

Докторская точность, с которой Чехов проставляет в диагнозе дня часы его рассвета и заката, свидетельствует о том, что с поры написания его пьес российское время ушло на несколько часов вперёд и встало в единый мировой строй своего счёта по Гринвичу, условность которого позволяет столько раз вернуться во вчерашний день, сколько раз будет пересечена граница суток. И всякий пересекающий её становится даже большим, чем вождь израильского народа Иисус Навин. Он повелел остановиться солнцу, когда увидел, что не успевает одолеть врага, а пересекающий эту черту не только останавливает время, но и возвращает его из прошедшего дня в нынешний.

Этот совершенный абсурд материализуется благодаря счёту времени по стрелкам, перевернути их назад, и ты во вчерашнем дне. Лишённое солнечного света, болезненно отрешённое от реальности, похожее на галлюцинацию, на жёлтый лондонский туман, время по Гринвичу, якобы учитывающее солнечный ход, в действительности уже почти автономное, возвело культ своего счёта на высоту нового механического солнца по имени циферблат. И что с этим поделаешь?

Часы с двойным циферблатом просто необходимы иноку А. По своему водительскому послушанию он держит связь с миром, корабли которого давным-давно перестали ходить по византийскому времени. Много забот доставляет ему обширный монастырский автопарк: бортовой КамАЗ, Мерседес с фургоном, джип Defender, на котором он и повезёт нас сейчас к восточным берегам Афона.

Наш монастырь благодаря отцу О. мы, как смогли, осмотрели. Обошли храмы, приложились к святыням. Всё насквозь наше, родное. От росписей и икон до крашенных в рыжий цвет полов. Только наличие стасидий говорило о нашем афонском местонахождении. Конструкция этих премудрых сооружений, во всех монастырях совершенно одинаковая, отработывалась веками. В них можно, во-1-х, стоять, опершись локтями на высокие поручни, во-2-х, полусидеть, сложив Z-образно сиденье, и, в-3-х, сидеть совершенно, откинув сиденье вниз.

- О, гладкие и выгнутые, как лебединые шеи, подлокотники! Прикосновения скольких монашеских рук помнят ваши изгибы, сколько молитвенных вздыханий вы выслушали на своём веку, и сколько всеобщих бдений отстояли вы, поддерживая утомлённые земным притяжением монашеские тела? Скольким из них вы стали крыльями в таинственном духовном полёте?

Но оставим монологи со стасидиями и шкапами персонажам чеховских пьес. Нас ждёт живой и прекрасный Афон, ждёт путь, несколько десятков километров которого, стали длиннее многих тысяч, но измерить их и осознать ум не в силах ни сейчас, за письменным столом, ни тем более тогда, в то чудесное афонское утро, когда напутствованные Богослужением и трапезой, оставляли мы позади стремительного джипа булыжник русского монастыря, обдаваемые сквозь опущенные окна ветром, солнцем и морской далью.

Зеленобородые старцы

Маршрут, предложенный отцом А., был прост. Доехать до крайней точки полуострова – Великой Лавры, а от неё уже без спешки и суеты двигаться от монастыря к монастырю, насколько хватит сил, времени и Божьего благословения. Всё гениальное просто – говорят в миру, в монастырях эту мысль выражают иначе: где просто, там ангелов со сто, а где мудрено там ни одного. Благослови, Господи, путь непотребных рабов Твоих!

Гремящие и дымящие по святым афонским горам железные колесницы вызывают в среде верующих многие соблазны и споры. Современный человек разбит цивилизацией, как расслабленный параличом. Монаху тем более опасны оцепеневающие прикосновения комфорта. Однако факт остаётся фактом: автомобили на Афоне множатся, и растёт число дорог. Впрочем, кто не хочет ехать, тот всегда может пойти пешком. Пешком даже лучше: не так страшно на поворотах с обрывами, да и дороги афонские – сплошные виражи, и от них, а не от восхитительных пейзажей, кружится голова. Но нам надо ехать уже потому, что для выполнения намеченного, пользуясь услугами своих двоих, понадобится много дней и ночей, которых нет. Афоризм “автомобиль не роскошь, а средство передвижения” похож на правду, только прежде устройства на этом средстве нужно решить для себя вопрос: к Богу или от Бога будет его передвижение?

Великая Лавра стоит между подножием Афона и морем, и такое её название указывает не на величину зданий, размеры которых уступают многим другим афонским монастырям, но на почётное среди всех них главенство. Своему поставлению на верху иерархической лестницы Афона Лавра обязана святому Афанасию (†1000) и материальной помощи царя Никифора Фоки.

Изменения в монашеской жизни, совершённые на Афоне святым Афанасием, писатель Б.К. Зайцев сравнил с преобразованиями императора Петра в России: настолько радикальны они были. Но преподобный Афанасий не поднимал Афона на дыбы, он его благоустроил.

В современном русском языке слово «благо» опустошено настолько, что стало возможным говорить о «благоустройстве» чего-либо как о наведении чистоты и порядка. Но изначально слово «благо» целиком принадлежало небу и не служило выражению земных понятий. Благоустройство Афона преподобным Афанасием было подчинено главной цели монашеской жизни, как и всякой земной жизни, всякого земного дыхания – хвалению Божьему. Имя Христово, прежде едва слышимое по отшельническим лачугам и пещерам, его блаженными трудами было возглашено на многие лета во все концы земли. Потому как камни возведённой им Лавры стали буквами, кладки – строками, стены – страницами, и вся она – многоэтажным славословием Христу, написанным на все грядущие поколения. И написание этой изящной каменной книги было, несомненно, делом богодухновенным.

Доказательством того, что постройка Лавры и перемены, произведенные св.Афанасием в монашеской жизни Афона, а это и устройство водопровода с виноградниками, и строительство пристани с банею и больницей, были совершены им по Божьему внушению, служат не только эти евангельские слова, что *не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба* (Ин.3:27), но и необыкновенное впечатление, которое производит Афон на всякого паломника. Даже фотографии, не передающие и тысячной доли живого ощущения, показанные мною по приезду людям, далёким от веры во Христа, зажигали их скептические взоры. Конечно, впечатление это носит внешний характер, с не меньшим изумлением можно смотреть на пирамиды и небоскрёбы, но афонские переживания – особые. Рука помимо воли крестится

на купола Лавры, и все существо замирает в стенах её, уразумевая в слове “замирать” корень “мир”.

Два зеленобородых старца, метра по два в диаметре высятся по углам лаврского собора, молчаливо взирая вот уже вторую тысячу лет на происходящее вокруг движение. Тридцать поколений, тридцать людских родов, сменяя друг друга, искали защиты от южного солнца в тени этих высаженных преподобным Афанасием кипарисов.

Сфотографировались и мы, присев на устроенный вокруг одного из деревьев каменный парапет. Шишки, упавшие с кроны, или трава у корней – кто мы для этих великанов? И сидел бы, размышляя об этом, ещё тысячу лет, да надо идти исполнять свои паломнические обязанности.

В здоровом теле здоровый дух?

В приземистых, как всё старинное, выгоревших на солнце, ухоженных и опрятных зданиях Лавры я не заметил стремления поразить величию и красотой. Они по-домашнему уютны и просты. Может, и была Лавра великой во времена императора Цимисхия, который дал ей такое название, но сейчас в ней великая тишина. Так убелённому сединами старцу нет нужды в долгих разговорах, самый вид его действует лучше всяких речей. Так иное безмолвие становится лучшей беседой. В Великой Лавре великий покой.

Думая увидеть мощь, увидел простоту, рассчитывая удивиться размаху, встретил тщательную аккуратность деталей. Для русского, к тому же из Сибири, в которой вся Греция уместилась бы, как кочка на болоте, что должно быть великим? И какое сооружение в глазах очевидца всесоюзных ударных строек должно казаться большим?

Троице-Сергиева Лавра в сравнении с Великой Лаврой могла бы называться трижды великой, а валун из основания Белой башни Соловецкого монастыря перегородил бы четверть её двора. И при всём при том замирает душа перед величию Великой Лавры, которое если не измеримо ни аршином, ни метром, то чем? Духом? Но в каких единицах измеряется дух?

Сочетание слов «крепость духа», как и слово «благо», с того момента, как слова были отданы в тираж, всё более и более утрачивает свой первоначальный смысл. В том ли состоит сила духа, чтобы перегородить плотиной Енисей или построить 100-этажный небоскрёб, отлить самый большой в мире колокол или высадить человека на Луне? Сила духа узнаётся из слов апостольских: *Если мы живём духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать* (Гал.5:25,26). Духовная шкала проста: чем больше в человеке тщеславия, раздражения и зависти, тем меньше в нём духа.

Мы привыкли с детства слышать, что в здоровом теле здоровый дух, и что для укрепления духа нужно и водой холодной обливаться, и босиком по снегу бегать, и льдины своими телами растаптывать. Но это неправда, этими упражнениями духа не укрепишь. После них усиливается циркуляция крови по телу, и от её прилива человеку начинает казаться, что он духовно окреп, но это самообман. Такой же эффект в организме вызывают выпитые сто грамм водки. Кровь начинает быстрее бегать по жилам, сосуды кровеносные расширяются, и человеку становится на душе тепло и героически просторно. Потом сосуды сузятся, наступит похмелье, обман раскроется.

Дух укрепляется не тогда, когда телу хорошо, дух укрепляется, когда телу плохо, когда оно болеет, страдает и смиряется. Для женщины самой лучшей и самой главной порой в её жизни становится рождение ребёнка, потому как в продолжении рода человеческого

заключено её Божие предназначение. И эта самая главная пора в её жизни становится самой мучительной и тяжёлой, но в это именно время и укрепляется её дух. Мать четырёх, пяти и больше детей сразу узнаётся по своему сильному и здоровому духу.

Жизнь мира всегда была противоположна жизни по духу. Глядя на мир с точки зрения Христова благовестия, евангелист Иоанн дал ему такую характеристику: *похоть плоти, похоть очес и гордость житейская* (1Ин.2:16). И в этих словах нет ни капли осуждения, в них всего лишь констатация факта, что мир таков, каков он есть, и иным быть не может. За что же его осуждать? За дело, к которому он предназначен? И если разобраться, то откуда родиться христианину, как не из похоти и гордости житейской? Откуда возникнуть стремлению к спасению и свету, как не из рва погибели и тьмы? Другое дело, если нет в мире желания из тьмы выбираться, если нет сил к самоотвержению, и если отвращения к самому себе при виде в зеркале своей опухшей после вчерашнего веселья физиономии или при повторном пересчёте своего туго набитого кошелька ни в ком из живущих уже не возникает.

Дело плоти – рождать и умирать, дело духа – жить вечно. И когда плоть перестаёт делать первое, она должна сделать второе. Стало быть, истёк срок, отведённый ей Богом для исполнения своего предназначения. И то время, в которое плоть, всё меньше и меньше служа духу, готовит себя к смерти, называется старостью.

Белые стены Лавры воспринимаются как седины этого постаревшего мира, в котором уже не видно мук рождения нового во Христе человечества, не видно стремления к обновлению и восхождению на духовную высоту, покорители которой венчаются не лаврами славы, но терновым венцом смирения и страданий. И если для поступков по духу, как они истолкованы апостолом, уже нет в мире сил, то остаётся предположить, что мир стал стар, и ему пора на вечный покой. Или же обвинить в этом ощущении моё христианское мировосприятие, которое ничего кроме похоти и гордости не хочет видеть в мире, и с самого своего зарождения ждёт его конца, и вот уже третье тысячелетие никак дожидаться не может.

Сидя на архондарике Великой Лавры, где привычно и прочно сидит рядом некто в майке с мобильником у уха и сигаретой во рту, резоннее предположить первое: мир стар. Но когда началось его старение? С какого дня влитое в новые меха новое вино начало закисать, а мир, когда-то прислушивавшийся к апостольским словам, стал совершенно их игнорировать? Может, с того самого, когда главные хранители новой веры сами стали этими словами пренебрегать и взялись за постройки, называемые «великими»? От первых пустынножителей Фиваиды, Тавенниса, Нитрийской горы, от целых городов с многотысячным населением, когда в одном монастыре проживало до десятка тысяч человек, остались ли какие храмы? Не остались, да и как они могли остаться от людей, которые жили не стройкой, но духом, и сооружали не каменные стены, но возводили по указанному Христом Богом проекту невидимый храм обновлённого человеческого духа, в котором и до сей поры живёт человечество, не до конца его осквернив и разрушив.

Впрочем, если я сам не курю, и у меня нет мобильного телефона, это не значит, что у меня есть право судить мир, с которым связан узами крепкими, как смерть. Не только права, но и капли той духовной силы, о которой взялся так самонадеянно рассуждать, я не имею, чтобы писать то, что напишу далее. Однако пишу, движимый, конечно, тщеславием, но и, помоги, Господи, надеждой, что помолится о нас читатель, чтобы избавиться мне от страсти к славе, как курильщику от пристрастия к табаку, чтобы сделать нам ещё несколько шагов с этой пальмовой ветвью навстречу грядущему Господу Иисусу.

Чеховщина продолжается

Итак, некто, увидев Соловецкий кремль, сказал: «Как будто монахам стало нечего делать, и они вместо молитвы взялись камни ворочать». Эти слова были реакцией самозащиты на устрашающий вид беломорских стен, на гигантские размеры валунов, соединенных, казалось, не известью, но гордостью. Испуганный египетским пафосом этих сооружений бедняга тогда не понимал лукавой подоплёки своих слов. Не понимал того, что сказал он как будто всё правильно, но правильно не до конца.

Действительно, дело монаха – молитва, и из него такой же строитель, как из строителя монах. Ставить же монаха каменщиком, значит отвлекать его от его призвания. А если так, то в чём тогда святоотеческая заслуга соловецких тружеников во главе с игуменом Филиппом? В оборонном строительстве, развёрнутом на северном рубеже Российского государства? За что и сам Афанасий удостоился чести быть в лике первых Афонских святых? За невиданную доселе стройку, которую он так трагически и совершенно не по-монашески закончил, заживо погребённый под рухнувшим зданием?

Источник этих инсинуаций и лукавых вопросов хорошо известен. И тот, кто внушил их соловецкому паломнику, тот в своё время поднял обособленно живших афонских отшельников на возводившего общежительный монастырь святого Афанасия и вложил в их уста такие речи:

- Зачем Афанасий причиняет насилие святой горе и разоряет древние законы? Он воздвигнул многоценные здания, устроил новые пристани, выкопал новые водоёмы, накопил волов, засеял поля, развёл виноградники, словом – сделал гору мирским посёлком.

Такие вопросы и донныне раздаются со всех сторон: зачем дороги, зачем машины, зачем корабли, зачем эти паломники с их суетой? Не богоугодное и гибельное это для Афона дело. Но так рассуждая, надо почти всё, что было сделано преподобным Афанасием на Афоне и святителем Филиппом на Соловках, признать небогоугодным. А заодно всякое паломничество на Афон, всё увиденное и перечувствованное там, назвать небогоугодным. Но чей язык поднимется сказать такое? Однако и похвалить многое из увиденного на Афоне нельзя.

Странная раздвоенность овладевает некоторыми паломниками. Они хотят Афона, и одновременно не хотят его. Хотят видеть его, но не таким, каким он есть, а таким, как он воображался им в лучезарных мечтах по прочитанным книжкам. И другую странность нельзя не отметить в неодобрительных речах об Афоне.

Почему в моей родной стороне восстанавливают старые и строят новые монастыри, тянут к ним дороги, электричество, интернет, а в таком же точно развитии Афону отказывают и запрещают? Почему игумен русского монастыря, который половину своей жизни положил на привлечение финансов, на развитие общественных связей, на увеличение потока паломников и на всё прочее, что служило бы восстановлению разрушенной святыни, едет на Афон и возвращается оттуда крайне недовольным точно такими же трудами афонских монахов, ругая их за то, чему сам всю свою жизнь посвятил? Да и всякий, кто побывал на Афоне, будто не замечая этого противоречия, считает своим долгом сказать: Афон погибает, потому что монахи там ездят на машинах.

Ну и что, что ездят? Когда мир ездил на ослах, монахи использовали ослов, когда стал ездить на машинах, пересели на машины. В чём тут криминал, если и Господь въехал в Иерусалим, сидя на ослике?

Криминал же заключается в том, что на Афоне особо отчётливо видно расхождение между тем, какой должна быть жизнь по Христу, и какова она есть на самом деле, то есть

между идеалом и действительностью. И эту растущую не по дням, а по часам разницу тяжело видеть всякому паломнику, как тяжело видеть женщине свои морщины. И кто в этом виноват? Конечно, монахи.

«Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду покажи», - обращается к Афону паломник, думая увидеть в нём красоту монашеского жития, исполненного лишений и подвигов, а видит собственное своё дряхлое лицо, припудренное комфортом, и с расстройств обвиняет зеркало в кривизне. Как будто оно отражает не то, что есть, и как будто монахи не из мира берутся, а из афонского воздуха сами собой возникают. Каков мир, таковы и монахи, каков вид, таково и отражение.

Ещё можно попытаться объяснить столь противоречивое поведение нашего игумена особым свойством его души – жить будущим вместо настоящего, и происходящей из этого свойства верой, что хотя он и делает то, чего монах не должен делать, употребляя своё монашеское время не на молитву, но более на общественно-строительные дела, но делает-то он их не для себя, а для следующих поколений, которые придут в отстроенные им здания и заживут, наконец, как живут в идеале монашеском, то есть в непрестанной молитве и посте. Ну, прям, как чеховские сёстры: мы будем работать, работать...

А где ещё, если не на Афоне, искать идеал? Какие, если не афонские, монахи всегда жили по любви, а не по расчёту? Но Афон, как весь нынешний монашеский и немонашеский мир, уже давно не тот. И это противоречие между желаемым и действительным, между воображаемым и реальным, прикрытое очередной мечтой в светлое будущее, за несколько проведённых на Афоне дней обнажилось, чего и не хватило сил увидеть нашему игумену без возмущения.

В поисках не будущего, но вечного

На будущее опасно рассчитывать не только потому, что его может и не быть, но и потому, что нельзя веру во Христа подменять верой в светлое будь то коммунистическое или церковное будущее, вообще во всякое будущее, даже в светлое загробное, потому что это означало бы превратить веру в Бога в веру некоему будущему.

Какая между этими верами разница, пишет, может излишне резко, преподобный Симеон Новый Богослов: «если кто станет говорить, что каждый из нас, верующих, получил и имеет Духа, хотя и не осознаёт и не чувствует того, таковой богохульствует, так как представляет лживым Христа, Который сказал: будет в нём *источник воды, текущий в жизнь вечную* (Ин.4:14). Итак, если источник ключ бьёт, то наверное река, исходящая из сего источника и текущая, видима бывает для имеющих очи. Но если и это действует в нас, а мы ничего такого не чувствуем и не осознаём в себе, то явно, что совсем не будем чувствовать и жизни вечной, которая бывает следствием того, и не увидим света Духа Святого, но пребудем мертвы, слепы, бесчувственны и в будущей жизни, как пребываем в настоящей. Таким образом выйдет, что надежда наша тщетна и течение наше – попусту, если мы всё ещё в смерти, то есть остаёмся мертвы духом и не воспринимаем чувства вечной жизни».

Иными словами, будущей вечной жизни никогда не начнётся вне человека, если она не началась внутри него. И это худо-бедно понятно, но нынче уже не о худости понимания слов преподобного Симеона речь, а о том, что самой внешней жизни, чтобы зародиться и развиваться внутренней, скоро может и не быть. И дело даже не в том, что мир утратил силу самоотвержения: Христос, Который *вчера и днесь Той же, и во веки* (Евр.13:8), мог бы дать и

даёт её в избытке. Дело в том, что миру уже не нужна неоскудевающая и безграничная Божия любовь, потому что его представления о ней сжались до размеров еврокупюры.

Однако, до чего капризный народ эти христиане! Постоянно им чего-то не достаёт. Почему им мало одной земной жизни, но нужна ещё какая-то другая? Почему не хватает тех земных радостей и благ, которыми довольствуются все люди, подавай им ещё какие-то небесные? И что за безумные слова они говорят, что со смертью наступает жизнь гораздо лучшая, но к ней надо готовиться отвержением жизни этой? И празднуют день смерти, как день рождения. Ну и жди ты своей смерти, зачем же других тревожить, зачем кликать не только своего конца, но и конца всеобщего?

Всё объясняется элементарно. Когда чего-то ждёшь усиленно, то оно обычно не приходит. То есть придти-то оно придёт своим чередом, не раньше и не позже, но в ощущениях время до ожидаемого часа тянется невыносимо. Ждёшь отпуска, каникул, а они всё не наступают. Ждёшь праздника, а он ещё так далеко. Ждёшь скорее бы пришли (ушли) эти гости, а они всё не приходят (не уходят). А когда чего-то не ждёшь, оно тут как тут. Так и со смертью. Ждёшь её, готовишься, иной раз даже подгонишь в сердцах, но тут же спохватишься, а она всё чего-то тянет. А не ждёшь, глядишь, и вот уже она – смерть.

Ожидаемое событие всегда проще встретить, чем неожиданное. Правда, ждать смерти, как и конца мира, можно по-разному. Можно, стараясь о них не думать, схватиться руками и зубами за эту жизнь. Можно предвозвещать кончину мира словами: “Да чтоб ты провалился проклятый, туда тебе и дорога”. И третий способ эсхатологического прощания с миром – это последние слова последнего между Богом и людьми Завета: Ей, гряди, Господи Иисусе.

Рассказывают, что когда в штрафном изоляторе на соловецком острове Анзер умирал священномученик Пётр Зверев, он, лёжа на боку, водил пальцем по барачной стене, повторяя: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает». Но какие труды и болезни он пережил, прежде чем услышал этот зов? И только ли одни мученики его слышат?

Греческое слово *μάρτυρος* (мученик) означает в буквальном переводе свидетель, и если не мучением за Христа, то как иначе засвидетельствовать свою к Нему принадлежность? Если не крестом, то каким другим способом доказать своё христианство?

Преподобный Афанасий, засыпанный рухнувшим зданием, более трёх часов взывал: “Господи Иисусе Христе, помоги мне!”, пока братия не извлекли его уже бездыханного из-под каменных обломков. Святитель же Филипп в монастырской келии в Твери был задушен подушкой. И если не знать предыдущего их во всю жизнь хождения перед Богом, то вполне можно было бы посчитать таковые их кончины наказанием Божьим по слову псалмопевца: “смерть грешников люта”. Но Господь, Который и для Самого Себя избрал смерть самую позорную и мучительную, лишает Своих избранников славной земной кончины, чтобы вместо земных почестей и наград воздать небесные. И не за изрядные свои инженерно-организационные работы, но за мученичество, которое святые ради Христа претерпели, удостоены они вечной славы.

Явное мученичество св.Филиппа и неявное мученичество св.Афанасия порождает догадку о том, что не строительные свои заслуги, но страдания за имя Христово принесли они Богу, Который с особым умыслом удостоивает их жизненной кончины, которая, как кажется, была очень тяжёлой. В действительности же смерть их была прямо такой, как она просится в ектеньях: безболезненной, непостыдной, мирной.

Безболезненной, потому как всякое страдание за Христа для верующего человека *слаждша паче меда и сота* (Пс.18:11); непостыдной, потому как стыдиться перед людьми за прожитую жизнь им было не в чем; и мирной, потому как умирали они в полном мире с Богом.

Полуденный срящ

Если трудов монашеских рук едва хватает для собственного одевания и пропитания, больше которых монаху ничего в этой жизни не надо, за счёт чего же тогда выросла Великая Лавра?

Всё Афонское великолепие возведено непрерывными финансовыми пожертвованиями царей, ктиторов и всех, кого монастырская братия вписывает в свои многочисленные синодики и поминает на каждой службе. В монастыре Симона Петра мне говорили, что в числе жертвователей монастыря до сих пор читается имя святого Иоанна Кронштадского, которому русская паства молится как своему духовному покровителю, а братия этого греческого монастыря поминает ещё и как покровителя материального.

Но если ещё век назад святой жизни монах, не сомневаясь, брал деньги царей и состоятельных мирян на монастырские нужды, то сейчас братия некоторых Афонских монастырей отказывается не только от сомнительной, но и от всякой идущей из мира помощи, даже направленной из государственной казны, считая предлагаемые деньги нечистыми. Это обстоятельство настораживает, оно симптоматично.

Кстати сказать, греческое “σύνπτωμα” (приключение, случай, несчастье, совпадение), употреблённое в 90-м псалме, переведено церковно-славянским словом “срящ” (нападение), а в синодальном переводе названо “заразой, опустошающей в полдень”.

Деньги всегда были и остаются деньгами. Как 1000 лет назад, так и сейчас всякая сумма превышающая МРОТ (минимальный размер оплаты труда), вряд ли может считаться чистой. Однако ещё век назад монах не гнушался ими, принимал как дар Богу, и возводимыми на них монастырями и храмами освящал, конечно, неправедные, конечно, нечистые, но всё же человеческие, т.е. не лишённые Богоподобия, материально-денежные отношения. Но сейчас в мире происходит нечто совершенное иное, заставляющее монаха считать его своим антиподом.

Конечно, мир никогда не был монашеству другом: от друзей не спасаются и не бегут. Он всегда был враждебно настроен к непонятной для него монашеской жизни, и монах, бегая мира, считал его своим врагом, но врагом несознательным, врагом по слепоте, по недоразумению, т.е. даже больше братом по несчастью, достойным сострадания и молитвы, нежели непримиримо-враждебных чувств. Да и мир ещё век назад прибегал к молитвенной и учительной помощи монаха, признавал его превосходство, и, если уже не слушал старательно, то терпел, делая вид, что слушает его нравоучения и обличения. Но сейчас в отношениях между монахом и миром происходит то, чего прежде не было. И симптомы этого сряща, этой заразы, при свете дня косящей, особенно видны на Афоне.

Мир теперь хотел бы окончательно развязаться с монахом, поставив его в ряд прочих своих работников-профессионалов, т.е. превратить монастыри в музеи, храм в дом духовных услуг, а священника в исполнителя треб при этом доме. И поэтому на то, что делается нынче для украшения монастырей, монах смотрит с опаской, полагая, что это может послужить не укреплению веры, но умалению и упразднению её...

Я прошу читательского прощения за внезапное окончание этих записок. Не утомил я вас ими? Не надоел? Не хотелось бы вот так расставаться на «запокойной» ноте, но разнообразные дела и заботы настойчиво требуют к себе.

Как брошенная в воду монета обещает возвращение в полюбившееся место, так мелкая монетка этих записей, брошенная в словесное море всех написанных об Афоне книг, рассказов и статей, надеюсь, станет залогом нового к нему приезда.

Однако не языческим приметам верить учит нас Святая Церковь, но словам Священного Писания, которое гласит: *Вместо того, чтобы вам говорить: «если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое», вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло* (Иак.4:15,16). А посему мы не монетки бросаем в Эгейское море, но с верою говорим: *аще Господь восхочет, и живи будем*, то продолжение последует.

Лето 2002 г.